

18. ОТНОШЕНІЕ КЪ ДѢЛУ РАДИЩЕВА.

Въ сборникѣ *Вчера и Сегодня*, изданномъ въ 1845 году гр. Соллогубомъ, напечатано (стр. 63) частное письмо изъ Москвы отъ 14-го іюня 1802 года, въ которомъ пишущій (Каменевъ), собираясь въ Петербургъ, говоритъ между - прочимъ: «Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ ideally блуждалъ Радищевъ и мечталъ, перомъ своимъ, въ желчи обмокнутымъ, давать уроки властямъ. Сказываютъ, что сочинитель *Водопада* надписалъ еще на манускриптѣ его *Путешествія*:

«Бзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смѣла, дерзка и сумасбродна;
Я слышу, на коней ямщикъ кричить: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты — въ Сибирь».

Для полноты нашего изданія сочиненій Державина мы отвели въ III томѣ особый отдѣлъ стихотвореній, бездоказательно ему *приписываемымъ*: тамъ помѣщено и это четверостишіе съ примѣчаніемъ, которое мы здѣсь разовьемъ подробнѣе. Приведенное мѣсто изъ письма Каменева даетъ знать, будто Радищевъ сообщалъ Державину свое «Путешествіе» въ рукописи; но обнаруженныя въ истекшія два десятилѣтія довольно обильныя свѣдѣнія о дѣлѣ Радищева не позволяютъ ни на минуту усомниться въ ложности этого извѣстія. Остается принять, что записанные Каменевымъ стихи просто ходили по рукамъ подъ именемъ Державинскихъ. Приписывать какой-нибудь знаменитости то, что вышло довольно удачно изъ-подъ пера безыменнаго автора и распространилось въ публикѣ, — дѣло весьма обыкновенное: такъ и Державину легко могла быть приписана эпиграмма на Радищева; но чтобъ онъ дѣйствительно былъ авторомъ ея, ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ, важнымъ доводомъ къ отрицанію этого является то обстоятельство, что ни въ чистыхъ, ни въ черновыхъ тетрадяхъ нашего поэта, куда онъ заносилъ все, что ни писалъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ этой эпиграммы, а одного посторонняго указанія конечно недоста-

точно, чтобы положительно признать ее за произведение «сочинителя *Водопада*».

Изъ дѣтей Радищева младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ, достигъ глубокой старости и оставался въ живыхъ до 1870-тыхъ годовъ. Около того времени, когда въ нашей литературѣ началось почти общее гоненіе на Державина, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858 года, № 23) появилась статья г. Корсунова о Радищевѣ, при которой было между-прочимъ приведено сообщенное сыномъ послѣдняго свѣдѣніе, будто Державинъ поднесъ императрицѣ доставленный ему экземпляръ *Путешествія*, «отмѣтивъ карандашемъ всѣ важнѣйшія мѣста». Это рассказывалъ, по увѣренію Павла Радищева, самъ отецъ его. Въ 1868 году тотъ же Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга*, и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе на счетъ Державина пополнилъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ (т. е. Радищевъ отецъ) разослалъ свою книгу знакомымъ, чѣмъ, по мнѣнію Пушкина¹, поставилъ въ очень неловкое положеніе Державина. Надо однакожъ замѣтить, что если положеніе и было сколько-нибудь неловко, то Державинъ вывернулся изъ него чрезвычайно ловко: онъ представилъ императрицѣ сочиненіе Радищева съ подробнымъ доносомъ на автора». Такое усиленное обвиненіе сомнительно уже потому, что его не было при первоначальномъ показаніи того же лица, а кромѣ того, нельзя упустить изъ виду, что оно явилось тогда, когда поруганіе памяти Державина было одною изъ любимыхъ замашекъ нашей журналистики. Понятно, что вообще свидѣтельства Павла Радищева не могутъ внушать большого довѣрія: такъ какъ ему при задержаніи отца его было не болѣе 6-ти лѣтъ отроду², то онъ въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ могъ основываться только на давнишнихъ разсказахъ отца (умершаго въ 1802 году); но этотъ послѣдній, взятый подъ стражу вскорѣ послѣ выпуска книги, самъ могъ узнать разныя подробности касательно преслѣдованія

¹ Въ статьѣ *Радищевъ*, Соч. Пушк., изд. Анн. VII, 54.

² По словамъ г. Корсунова, П. А. Радищевъ родился 27-го іюля 1783 г.; отецъ его, при производствѣ дѣла о знаменитой книгѣ, 11-го іюля 1790 г. показалъ, что мальчику тогда шелъ 7-й годъ. (*Арх. кн. Ворони.* V, 444).

ея только по случайно доходившимъ до него слухамъ, въ которыхъ, естественно, кое-что справедливое смѣшивалось со многими невѣрными. Что сыну его не былъ въ точности извѣстенъ ходъ дѣла о книгѣ «Путешествіе», видно между-прочимъ и изъ разсказа его о цензурованіи ея, по поводу чего г. Шугуровъ въ своей статьѣ о Радищевѣ (*Р. Арх.* 1872 года, стр. 947) замѣчаетъ: «Этотъ разсказъ положительно невѣренъ: Павелъ Александровичъ очевидно не зналъ обстоятельствъ дѣла, которое происходило иначе». Кто читалъ его книгу и вдобавокъ имѣлъ, такъ какъ мы, случай лично познакомиться съ нимъ, тому хорошо извѣстно, можно ли было ожидать отъ него самостоятельнаго сужденія въ занимающемъ насъ вопросѣ и былъ ли онъ способенъ устоять противъ господствовавшихъ въ тогдашней журналистикѣ теченій.

Молва о томъ, будто Державинъ представилъ со своими комментаріями книгу Радищева императрицѣ, опровергается свидѣтельствомъ Храповицкаго, записаннымъ въ его дневникѣ подъ 26-мъ іюня 1790 года: «Говорено о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. Тутъ разсѣваніе заразы французской: отвращеніе отъ начальства; авторъ мартинистъ; я прочла 30 страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева». Итакъ Екатерина, прочитавъ тридцать страницъ книги, еще не знаетъ, кто авторъ ея. Онъ неизвѣстенъ государынѣ еще и тогда, когда она дошла до 88-й страницы, ибо въ разборѣ своемъ она, по поводу этой страницы, говоритъ: «88 стр., упоминается о знаніи, что имѣлъ случай по счастію моему узнать: кажется, сіе знаніе въ Лейпцигѣ получено и доходитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Челищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домѣ, какъ сказываютъ»¹. Слухъ, переданный сыномъ Радищева, въ прямомъ противорѣчій какъ съ этой замѣткой Екатерины II, такъ и съ несомнѣнными показаніями Храповицкаго, который не прежде какъ подъ 2-мъ іюля положительно называетъ Радищева какъ автора книги, уже сидящаго въ крѣпости. Еслибъ Державинъ представилъ

¹ *Архивъ кн. Воронцова*, V, 410.

императрицѣ свой экземпляръ «Путешествія», то конечно не утаилъ бы и имени сочинителя, отъ котораго получилъ его. Притомъ, по свидѣтельству Гельбига, объ этой книгѣ императрица узнала отъ Шешковского (*Russische Günstlinge*, стр. 459).

Но есть еще одно свѣдѣніе, представляющее въ неблагопріятномъ свѣтѣ отношеніе Державина къ дѣлу Радищева. По поводу запрещенія трагедіи Княжнина «Вадимъ», въ ноябрѣ 1793 года княгиня Дашкова въ письмѣ къ брату, графу А. Р. Воронцову, передаетъ свой разговоръ съ Поповымъ, пріѣхавшимъ къ ней прямо отъ императрицы. Въ этомъ разговорѣ рѣчь мало по малу дошла до книги Радищева, и Поповъ сообщилъ княгинѣ слова государыни, что она не хотѣла вѣрить клеветѣ, будто Дашкова и братъ ея участвовали въ сочиненіи этой книги. «Еслибы я другую душу имѣла, отвѣчала я» (продолжаетъ Дашкова въ письмѣ своемъ), «то бы я тѣмъ паче желала съ нею говорить о сей книгѣ, что когда Козодавлева посадили въ коммерцію, то Державинъ сказалъ при многихъ: «Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ о Козодавлевѣ, что онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева. Козодавлевъ противъ меня благодаренъ, меня злословить». Державинъ меня и брата злословить: «я имѣю де способъ изобличить обоихъ, и не хочу». Для чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія и, зная прямыхъ сочинителей, маралъ и клеветалъ честныхъ людей? Вышеупомянутая рѣчь мнѣ пересказана отъ честнаго и нелживаго человѣка, отъ Богдановича, при которомъ онъ говорилъ». — Зная тогдашнія отношенія между Державинымъ и княгинею Дашковой (см. выше стр. 624), надо согласиться, что и на этой сплетнѣ, рассказанной черезъ три слишкомъ года послѣ исторіи съ книгой Радищева, трудно основаться для положительнаго обвиненія Державина въ приписываемомъ ему поступкѣ. Нѣтъ конечно никакого сомнѣнія, что по своему образу мыслей онъ не былъ расположенъ къ Радищеву и строго осуждалъ его сочиненія. Это становится еще яснѣе изъ другого мѣста того же письма: «Однажды, когда мы были въ Россійской академіи» (пишетъ кн. Дашкова), «Державинъ, говоря о томъ, что у насъ вообще плохо знаютъ русскій языкъ и не вполнѣ понима-

ютъ значеніе словъ, а всетаки хотятъ быть писателями, сказалъ мнѣ, что недавно прочелъ глупую книгу Радищева объ одномъ изъ умершихъ друзей его (Ушаковъ) и спросилъ, читала ли я эту книгу. Когда я отвѣчала отрицательно, но замѣтила, что едва ли она глупа, такъ какъ авторъ не глупъ, то онъ послалъ за нею и далъ мнѣ ее. По прочтеніи книги, я увидѣла ясно, что авторъ старался подражать Стерну, сочинителю Чувствительнаго Путешествія, что онъ читалъ Клопштока и другихъ нѣмецкихъ писателей, но не понялъ ихъ, что онъ запутался въ метафизикѣ и сойдетъ съ ума»¹. — Изъ этого мѣста ясно, что Державинъ былъ очень не высокаго мнѣнія о Радищевѣ, какъ писателѣ, но этого еще далеко не достаточно для вывода, что онъ участвовалъ въ усиленіи передъ верховною властью вины Радищева, особенно въ виду объясненныхъ выше обстоятельствъ, препятствующихъ такому выводу. Въ концѣ концовъ остается заключить, что относительно прикосновенности Державина къ дѣлу Радищева есть только одно достовѣрное, на документальномъ свидѣтельствѣ основанное извѣстіе, именно собственное показаніе автора «Путешествія» въ его оправдательной запискѣ: «Экземпляровъ я роздалъ очень мало, да и не имѣлъ намѣренія моего много отдавать, а хотѣлъ употребить ихъ въ продажу для прибытка. Одинъ экземпляръ г. Козодавлеву, ему же одинъ для г. Державина², одинъ прапорщику Дарагану. Если спросятъ, съ какимъ намѣреніемъ я ихъ раздавалъ, то только, чтобы читали, ибо всѣ они упражняются въ литературѣ; еще экземпляръ иностранцу Вицману, и г. Олсуфьеву». Чтобы кто-нибудь изъ этихъ лицъ

¹ *Арх. кн. Воронцова* V, 223. Разсказъ близкаго къ этому содержанія, помѣщенный и въ запискахъ княгини Дашковой (*Мем.* I, 358—360; *Р. Арх.* 1872, 932), значительно поясняется приведенными изъ письма ея строками. Съ своей стороны и записки пополняютъ это мѣсто письма, показывая, что Дашкова была совершенно согласна съ поэтомъ во взглядѣ на брошюру Радищева объ Ушаковѣ, которая, замѣтимъ мимоходомъ, была издана только за годъ до «Путешествія», а въ новѣйшее время перепечатана П. И. Бартеневымъ въ *Осмнадцатомъ Вѣкѣ*, т. II.

² *Арх. кн. Воронцова* V, 427. Уваженіе Радищева къ Державину, какъ поэту, выразилось въ слѣдующемъ отзывѣ его: «Преложи многія строфы